

его и говорить: дай денегъ, нужда, говорить, пришла; ну, я далъ ему еще цѣлковый,—осталось за мной, значить, четыре. Пришло время ѣхать пахать; я и говорю: ну какъ же, Васильичъ, укажи осьминникъ-то?—А онъ и пошелъ вилать: сегодня-завтра, сегодня-завтра, да такъ по сію пору и нѣтъ мнѣ ничего... Прикажите землю отдать.

— Ты что-жъ это, Васильичъ? — обращается къ отвѣтчику его односелець-судья. — Деньги брать, а землю въ другія руки сдавать?.. Это, вѣдь, не модель такъ-то!..

— Вина наша; что-жъ, я не отказываюсь. Три рубля, точно, получили. Только мы его Христомъ-Богомъ просили намъ всѣ деньги отдать, потому хлѣбушка весь изошелъ, ѣсть нечего стало, одна картошка осталась, — сами знаете, лѣтошнимъ годомъ по пяти копенъ свезли съ поля... А онъ не даетъ; что-жъ, намъ не помирать же стать; ну, и отдали Кузьмѣ Панфилу за шесть рублей, онъ намъ и деньги въ ту-жъ пору отдалъ.

— А я то какъ-же? Такъ и пропали мои денежки?

— Прибавь малость, Платонъ Емельяничъ, — мы ужъ тебѣ осьминничекъ въ озимомъ отдадимъ.

Но Платона Емельяничъ не скоро разжалобишь; основываясь на своемъ правѣ, онъ въ концѣ концовъ получаетъ осьминникъ озимаго вмѣсто ярового безъ всякой приплаты.

— Такъ вы, Иванъ, кончаете дѣло миромъ?—спрашиваю я.

— Онъ Семень, а не Иванъ,—поправляетъ меня судья-односелець.

— Какъ Семень?.. Вѣдь въ жалобной книгѣ записанъ Иванъ.

— Это точно-съ,—объясняетъ истецъ,—потому, какъ землю мнѣ сдавалъ братъ его старшій, Иванъ, и деньги онъ же у меня бралъ, такъ я его и записалъ... Да это все одно-съ...

— Да какъ же все одно? Вѣдь вы съ Ивановомъ имѣли дѣло, а Семень отвѣчаетъ?..

— Да нѣтути Ивана-то: на степь уѣхамши,—убѣждаетъ меня судья не толковать о пустякахъ.—Еще позавчера уѣхалъ, вотъ Семень за него и вышелъ на отвѣтъ.

Я соображаю, въ чемъ дѣло, и, для полного успокоенія своего относительно нерушимости закона, спрашиваю:

— Да они вмѣстѣ, что-ль, живутъ? Не подѣлились?..

— Зачѣмъ подѣлились!.. Вмѣстѣ, вмѣстѣ.

Тогда я перемарываю и въ жалобной книгѣ и въ постановленіи суда слова „Иванъ“ и замѣняю ихъ „Семеномъ“... Для интересовъ семейской собственности земли—совершенно все равно, кто будетъ за нее „отвѣтъ давать“—Иванъ или Семень, потому